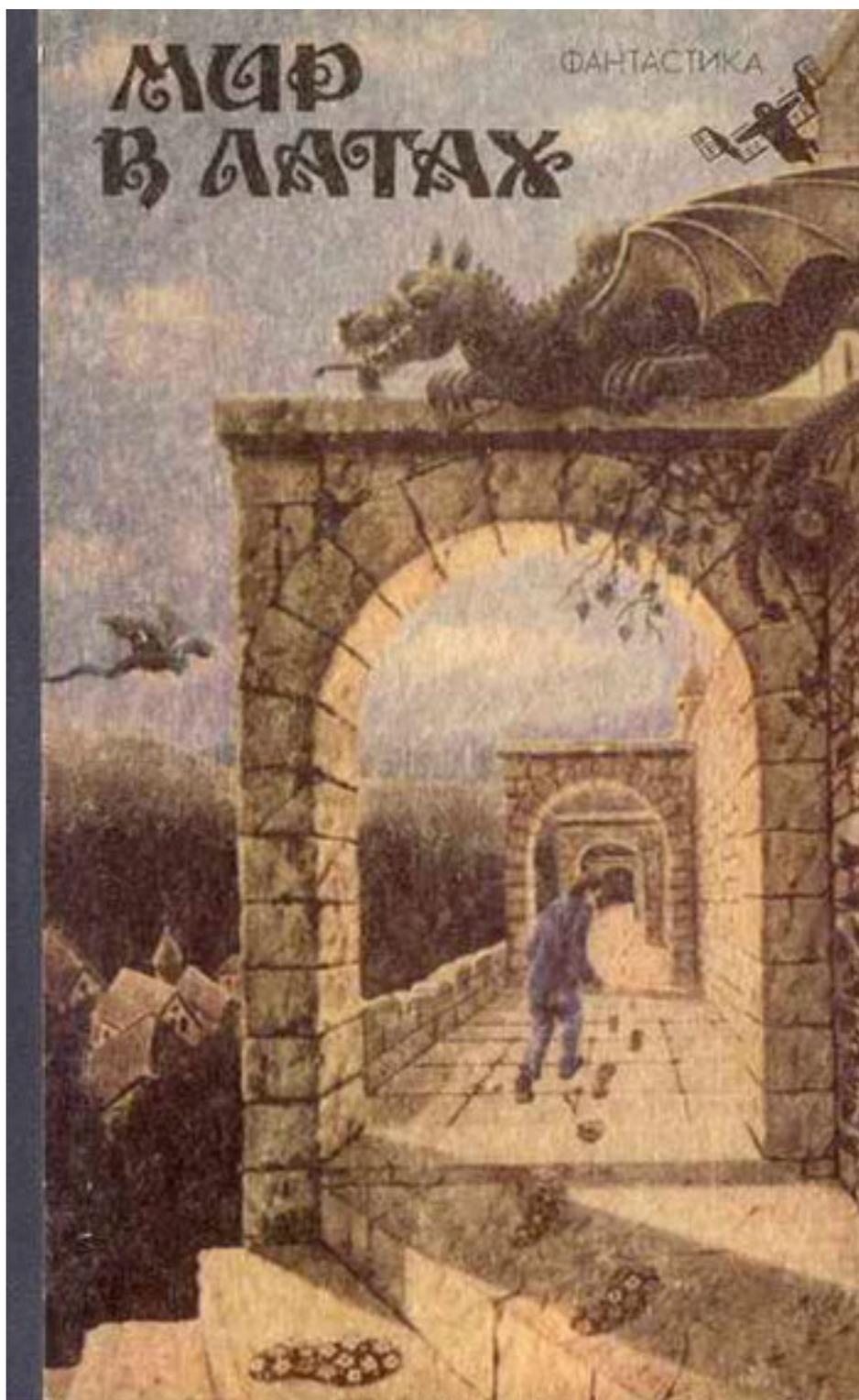

МИР В ДАТАХ

ФАНТАСТИКА

Николай Романецкий
Рубикон, или Мир в латах

«Автор»

1991

Романецкий Н. М.

Рубикон, или Мир в латах / Н. М. Романецкий — «Автор», 1991

Эпоха всеобщего разоружения. Экологическая орбитальная станция случайно перехватывает зашифрованную информацию, направленную с побережья Тайгерленда куда-то в космос. Наблюдатели станции пытаются зафиксировать адресата, но, обнаружив его, тут же попадают под лазерный удар. Организация объединенных наций по вопросам разоружения (ЮНДО) направляет в курортный поселок, откуда посылались перехваченные сигналы, своего суперагента Жюля Карне...

© Романецкий Н. М., 1991

© Автор, 1991

Содержание

Пролог	5
Глава первая	8
1	8
2	10
3	15
4	16
5	18
6	20
7	23
8	26
9	29
Глава вторая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Николай Романецкий

Рубикон, или Мир в латах

*Дано мне тело – что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?*

О. Мандельштам, «Дыхание»

*Мой Телемак,
Троянская война
окончена. Кто победил – не помню.*

И. Бродский, «Одиссей Телемаку»

Пролог

ФИНАЛЬНАЯ ВАХТА ПЕРЕД ОТПУСКОМ

– Ну вот и все.

В голосе бортинженера слышалась явная грусть. И то, что он, откинувшийся в кресле и лениво потягивающийся, был невесел, показалось командиру странным. Имелась в этом несоответствии между голосом и позой некая опереточная нарочитость. Как древний римлянин в кабине «джампера»...

– Ты чего это? – спросил командир. – Завтра в отпуск, а ты, похоже, и не рад вовсе?

– Да рад я, рад, – ответил, поморщившись, бортинженер. – Только на душе что-то... – Он сделал правой рукой неопределенный жест.

– Ну, это перед отпуском обычное состояние, – сказал командир. – Усталость накапливается... И за бортом хоть и Ближний космос, а все ж таки пустота. Освобождай рабочее место!

Бортинженер отстегнулся. Командир подплыл к креслу, окинул хватким взглядом пульт. На обзорном экране была привычная картина: ночная поверхность Земли, расцветенная кое-где огнями городов.

– Вахту сдал!

– Вахту принял! – Командир неторопливо утопил в гнездах застежки креплений. И сказал, подмигнув бортинженеру: – А сдавать буду уже не тебе!

– Не мне, – согласился бортинженер. В голосе его прозвучала откровенная тоска.

– Слушай, – недовольно произнес командир. – Женился бы ты, что ли! Тогда перед отпуском будет совсем другое настроение... Вот как у меня!

Бортинженер через силу улыбнулся.

– Есть, шеф! Задание понял, шеф! Завтра же приступаю к выполнению, шеф!

– Вот-вот, – сказал командир. – Приступай! Да поэнергичнее! Учти, отпуск всегда оказывается неожиданно короток. – И повернувшись к пультам, спросил: – Что-нибудь засек?

– Ничего особенного. Загрязнение атмосферы и тепловой фон – в пределах. Наблюдался небольшой выброс на «Аляске-3», но за допуск не вышли. Однако в Центр я доложил.

– Эт-то хорошо! – сказал командир. Пробежал пальцами по клавишам, оглянулся. – Чего ждешь? Иди отдыхать!.. Перед первым отпуском не мешает набраться сил.

Бортинженер продолжал висеть рядом с креслом.

– Не понимаю, – сказал он. – Чего энергетика так держатся за атомные? Давно бы демонтировали... И народу спокойнее, и властям гора с плеч!

– Все не так просто, мой милый. Киловаттики-то они дают исправно!.. А для приполярных районов и вообще ничего лучшего пока не придумано.

Бортинженер помотал головой.

– А я слышал, дело не только и не столько в энергии. Кому-то очень надо, чтобы они существовали. Ведь какое движение за их ликвидацию поднялось после аварии на «Мэджик стар», однако Совет Безопасности все спускает на тормозах. Взамен же, чтобы успокоить людей, создали нашу Службу...

– Он слышал!.. – сказал командир насмешливо. – Информационная сеть под названием «Одна Баба Сказала...» Делай уши локатором почаще – и не такое услышишь! Например, что от кригеров только уроды рождаются. Моральные!.. У тебя отец, часом, не кригер?

На лице бортинженера расцвела, наконец, нормальная – без тоски и грусти – улыбка.

– Нет, не кригер. Мы мирные люди... Хотя наш бронепоезд и стоит на запасном пути.

– Иди, наконец, спать, бронепоезд! – Командир выругался. – Ведь проспешь начало отпуска!

Повеселевший бортинженер смачно, с хрустом потянулся.

– Да, – он оттолкнулся от кресла. – Пойду. Спокойного дежурства!

Отрывисто звякнул сигнал.

– Во! – сказал бортинженер, задержавшись у люка. – Сейчас Роберт поздравит тебя с началом финальной вахты.

Бледно засветился экран связи, по нему стремительно пробежала цепочка многозначных чисел.

– Что за черт? – изумился бортинженер. – Это не Роберт!.. Запроси-ка пеленг, командор. Пеленгатор уже выдавал координаты.

– Кажется, это не Центр!..

– Вижу, – сказал командир. – Какой может быть Центр на подобных частотах?.. Похоже, перехват.

Он пробежался пальцами по клавишам, на экране появилось лицо дежурного.

– Привет, Роберт!

– Салют, отпускники! – осклабился тот. – Завидую некоторым...

– Подожди, Роберт! – оборвал его командир. – У нас случайный перехват. Проверь запись.

Лицо дежурного исчезло с экрана. Бортинженер подплыл к кассете со справочниками, достал атлас, полистал.

– Судя по координатам, передача велась с восточного побережья Тайгерленда, – проговорил он. – По-моему, там у нас ничего излучающего не значится.

– Информация зафиксирована, – послышался голос Роберта. – Думаю, вам стоит на следующем витке проверить... – Голос умолк.

– Зачем ты его выключил? – спросил бортинженер.

Командир молча отстегнулся и переплыл к пульту управления ориентацией.

– Что ты задумал?

– Будут они дожидаться следующего витка, – пробормотал командир. – Хочу посмотреть на адресата.

Изображение земной поверхности на обзорном экране дрогнуло. Командир манипулировал двигателями. Бортинженер молчал. В рубке стояла привычная жужжащая тишина. Наконец, станция развернулась на сто восемьдесят градусов. Командир погасил качания и вернулся к основному пульту.

С экрана смотрели немигающие звезды. Командир включил фильтры, и свет постоянных источников погас. Экран залило черное бездонье.

– Ничего, – прошептал бортинженер, все еще держа в правой руке атлас. – Пощупай локатором. Для начала широким конусом.

Он оттолкнулся ногами от стены, подплыл и повис за спиной у командира. Оба уставились на индикатор. Зеленая полоска пересекала шкалу по идеальной прямой, никакого намека хоть на малюсенький горбик.

– И тут ничего, – сказал командир. – Ерунда какая-то!

– Попробуй частотно-фазовую вариацию.

– Пожалуй, – сказал командир и задал программу изменения частоты генератора.

Жужжащая тишина изменила тональность. И тут зеленая полоска на индикаторе переломилась углом, вершина угла метнулась в сторону от нулевой отметки. Пискнул и тут же замолк звуковой сигнализатор. Зеленая полоска снова превратилась в прямую линию.

– Проскочили частоту! – сказал командир. – Сейчас верну.

– Что это? – воскликнул бортинженер. – Смотри! На экране...

Командир поднял глаза. Среди черного бездонья висело блеклое пятнышко. Оно быстро меняло форму: круг, эллипс, снова круг, опять эллипс...

Командир, не мигая, смотрел на экран. Светлое пятнышко в объятиях мрака что-то ему напоминало. Бортинженер за спиной с шумом проглотил слюну. Круглое пятнышко начало уменьшаться в диаметре и разгораться.

Лазерная пушка, понял вдруг командир. В режиме наведения...

Сделать он ничего не успел. Среди черного бездонья хищно вспыхнула ослепительная звезда, и экран лопнул от мгновенно переполнившего его синего пламени.

А на Земле, в помещениях Центра Связи натужно заревела сирена, говоря дежурившему в этот час персоналу о том, что на орбите случилось нечто серьезное. Серьезное настолько, что станция «Спейс хантер – 12», принадлежащая Контрольной Службе Экологического Совета и имеющая двух дежурных наблюдателей на борту, прекратила существование.

Глава первая

ГЕРОЙ КОСМОСА НА РЕАБИЛИТАЦИИ

1

Все получилось именно так, как и предсказывал вчера в Париже Одиссей.

Между Лонгвиллем и поселком ходили скоростные экспрессы, так что дорога до места заняла менее получаса. Чиновник в мэрии, назвавшийся Стивеном Пауэром, был мил и разговорчив, и через несколько минут Жюль знал о поселке все, что представляло хоть какой-то интерес. Более того, Стивен Пауэр оказался настолько любезен, что предложил ему единственный свободный коттедж на берегу, а потом еще и обеспечил списком врачей, практикующих в поселке. Шестым в списке значился доктор Арчибальд Спенсер. Прекрасный радиолог, известный специалист, не пожалеете, сударь!..

Коттедж оказался обычным, двухэтажным, выстроенным по типовому проекту. Внизу кухня, прихожая, гостиная (или, если хотите, кабинет), а на втором этаже спальня и ванная. Как только Жюль вошел внутрь, загорелся неяркий свет. Жюль снял куртку и открыл дверь в гостиную.

В углу имел место прекрасный инком фирмы «Тейлор Электроникс, лимитед». Средний гражданин владеет от силы тридцатью процентами его возможностей. Под компьютером лежали инструкция по пользованию жилищем и план поселка. Инструкцию Жюль бросил на стол, а план развернул. Поселок был под завязку набит бассейнами, кегельбанами, теннисными кортами, площадками для кроссбола и тому подобными сооружениями. Жюль отправился на кухню. Кухня оказалась автоматическая, последней модели, разрекламированной по всему миру полгода назад, с рисивером сети «Сэплай». Шикарная оказалась кухня. Впрочем, желающие (вернее, не желающие с ней возиться) могут пользоваться услугами баров и ресторанов, которых в таких местах великое множество. Это вам не леса и болота, где сырость, грязь и еда всухомятку. Было такое – лет пять назад, когда ликвидировали группу Короля Лира...

Жюль поднялся на второй этаж. Ванная – самая обычная, спальня тоже. Экранирующиеся стекла в окнах, широкая двуспальная кровать, стена в изголовьи украшена тайгерлендским ковром. Рисунок примечателен: голова тигра с разинутой пастью. Тигр серебристый – символ страны.

Жюль спустился вниз, открыл справочник «Сэплай», отыскал нужные коды и набрал их на пульте. Через минуту звякнул звонок. Жюль распахнул дверцу рисивера и нашел в нише упакованные в пакеты плавки, полотенце, халат и пляжную сумку. Вскрыл разукрашенные рекламой «Найк» упаковки, побросал принадлежности в сумку и отправился купаться.

На пляже было весьма малоллюдно. Несколько человек одетыми лежали на топчанах и читали. В беседке обнималась какая-то парочка. На Жюля никто внимания не обратил. Он зашел в кабинку и переоделся. А когда вышел и отправился к ближайшему топчану, читающие отложили книги и повернулись в его сторону. Он немедленно задрал нос, небрежно бросил на топчан штаны и сумку, скинул туфли и побежал к воде. На бегу он обнаружил, что солнце светит не так уж и ярко, что океан совсем не голубой, а скорее серый, и, делая последний шаг, понял, что это не самый умный поступок в жизни. Но отступать было уже поздно, и он, глубоко вздохнув, бросился в воду.

По-видимому, не заорал он лишь потому, что вопль еще в горле превратился в ледышку. Вода была не просто холодной, она обожгла, как кипяток, она впилась в тело миллионами острых иголок и стянула череп стальным тяжелым обручем. Жюль хотел было сплавать к буйку

и обратно, но понял, что судороги наступят раньше, чем он доберется до буйка, и придется орать банальное: «Спасите!» Впрочем, сразу выйти из воды – значило потерять авторитет в глазах смотревшей на него общественности, и потому Жюль окунулся по шею и повернулся лицом к берегу. Люди разглядывали его с восторгом и изумлением, в беседке парень рвал с себя рубашку, а девушка обреченно хватала его за руки. Жюлю стало ее жаль, и он выбрался на берег.

– Бр-р-р! – крикнул он парню, после чего тот сразу же успокоился. С трудом сдерживая себя, чтобы не побежать, Жюль неторопливо отправился к своему топчану и принялся что есть мочи растираться полотенцем.

– Неосторожно! – прогудел сзади чей-то голос.

Жюль обернулся. На соседнем топчане сидел широкоплечий брюнет лет тридцати пяти в желтом спортивном костюме и с сумкой через плечо.

– Почему?

– Можно схватить воспаление легких! – насмешливо сказал брюнет. – Не хотите ли согреться?

Он достал из сумки фляжку и открыл крышку.

– Здесь у меня коньяк, – пояснил он. – А неосторожно потому, что вода сейчас не блокируется, не сезон. Вот летом, когда на пляже ступить негде, и все готовы выложить денежки...

Коньяк был как нельзя кстати, и отказываться Жюль не стал. По телу тут же разлилось тепло.

– Армейская, – сказал Жюль с уважением, возвращая фляжку.

– Да, – сказал брюнет. – Я бывший военный.

– А я космонавт, – сказал Жюль. – Возможно, тоже бывший. Во всяком случае, в настоящее время лечащийся.

– Авария?

– Да... Облучение. Здесь на реабилитации после госпиталя.

– Понятно, – сказал брюнет, и усмешка пропала с его лица. – Анхель Санчес, эколог.

Жюль тоже представился и пожал протянутую руку. Рука оказалась крепкой.

– Здесь совсем неподалеку бассейн с подогревом, – сказал Санчес, наблюдая, как Жюль одевается. – И не слишком дорого.

– Деньги меня пока не интересуют, – высокомерно сказал Жюль. – Деньги интересуют страховую компанию.

Санчес кивнул, пряча фляжку в сумку.

– Вы в Гринкоусте недавно?... Что-то я вас раньше не видел.

– Да, – сказал Жюль. – Только сегодня прилетел. Вон мой коттедж. Милости прошу!

– Да нет, спасибо, – отказался Санчес. – Вы еще не пообедали?

– Увы!..

– Если не любите есть дома, то могу посоветовать «Сиреневую веточку». Приличная европейская кухня... Сколько нужно времени, чтобы вы приготовились?

– Час-полтора, – сказал Жюль, натягивая туфли. – Душ там, то, се...

– Хорошо. Душ – это вы правильно решили, душ после такого купания – обязательно...

Тогда в три часа. Встретимся прямо в «Веточке». Найдете дорогу?

– Думаю, найду.

Санчес, кивнув, ушел, а Жюль отправился в свою новую обитель и занялся неизбежными хлопотами вселения. Для начала ввел в тейлор свой личный код, чтобы ребята могли организовать с ним пару сеансов. Береженого, как говорится, Бог бережет... Потом заказал себе постельное белье и разные мелочи, необходимые человеку для нормальной жизни на новом месте. Подумав, заказал еще костюм «для выхода в люди» и отправился принимать душ. А затем внимательно изучил план поселка.

2

Ресторан действительно оказался недалеко. Двухэтажное здание, выполненное, как и коттеджи, по типовому проекту: полупрозрачные, подсвеченные изнутри колонны, между которыми летом обычно располагаются столики с плетеными креслами, стены из мимикроида, экранированные стекла, на крыше обязательная модель ракеты, рвущейся в холодное небо. А когда он поднялся наверх, в собственно ресторан, ему захотелось смеяться. Внутри царил пресловутый стиль «космическая опера». Не хватало только псевдокосмонавтов в оранжевых скафандрах, плавающих перед носом клиентов в ожидании чаевых. Увы, как оказалось, радовался он рано. Скафандры все-таки были. Если, конечно, можно было назвать скафандрами ту униформу, в которую одевались здешние официантки. В отличие от космических защитных одежд она больше открывала, чем скрывала. Впрочем, он тут же признался себе, что зря раздражается: девочки выглядели весьма эффектно.

– Жюль!

Он оглянулся. Санчес был уже здесь. И не один. Рядом с ним сидели две дамы. И что за дамы!.. Жюль тут же изобразил на физиономии самую светскую улыбку, на какую был способен, и подошел к столу.

– Вот, девочки! – сказал Санчес. – Это тот самый Жюль, покоритель здешних вод.

– Лина. – Невысокая молоденькая брюнетка протянула руку, которую Жюль тут же с готовностью пожал.

Имя второй женщины – обладательницы огромной шапки голубых волос и таких же голубых глаз – оказалось Белла.

– Вообще-то я Арабелла, – сказала она, беззастенчиво разглядывая Жюля. – Но друзья зовут меня Беллой.

Подошла официантка. Пока Санчес делал заказ, Жюль исподтишка разглядывал женщин. С курортными проститутками ему встречаться еще не приходилось. Наверное, потому что он до сих пор не бывал на курортах. Арабелле, на его взгляд, было не больше двадцати трех – двадцати пяти, а Лина и того моложе. Обе одеты в короткие серебристые, едва скрывающие ягодички юбки и сильно открытые спереди блузки-безрукавки. Как дань погоде, на спинках кресел висели пестрые переливающиеся не то халаты, не то плащи.

Интересно, которая из двоих предназначена мне, подумал Жюль.

Санчес, наконец, разобрался с официанткой.

– Жюль – космонавт, – сказал он. – А девочки – студентки, учатся в Лонгвильском университете.

Улыбки, подаренные Жюлю, были столь очаровательными, что ему и взаправду захотелось стать космонавтом.

– Вы эколог? – спросила Лина.

– Нет, – сказал Жюль. – Я не из КСЭС. Я – орбитальная гелиоэнергетика.

– А мы с медицинского. Здесь на практике.

– Угу, – сказал Жюль. Ему вдруг показалось, что вечер станет элементарной потерей времени.

– А вы не кригер? – спросила Белла.

– Нет.

– Я обожаю военных.

– Это нынче модно, – сказал Жюль.

– Причем здесь мода? – Белла возмущенно фыркнула. – Это же настоящие мужчины. А их сейчас давят. Вся мировая общественность протестует. Разве вы не знаете?

Да, подумал Жюль, мировая общественность крепко защищает Ассоциацию. Только мировая общественность ничего не знает об Ультиматуме. Хотел бы я посмотреть на мировую общественность в тот момент, когда она о нем узнает!..

– Какие кригеры? – сказала вдруг Лина. – Разве *он* может быть кригером?

Жюль удивленно взглянул на нее. Лина сидела, откинувшись на спинку кресла и уронив руки на колени. От улыбки не осталось и следа, взгляд девушки был строг и печален.

– Не удивляйтесь, – шепнул Санчес. – На нее иногда находит. Ее мать, будучи беременной, попала под удар цунами на побережье. Лишь чудом спаслась.

Он легонько шлепнул Лину по обнаженному плечу. Та вздрогнула, лицо ее оттаяло.

– Сестра, ты как? – спросил Санчес.

Лина улыбнулась ему и кивнула головой.

Сестра, подумал Жюль с удивлением. Похоже, я ошибся. Проклятые стереотипы!.. Ведь может же быть и простой интерес к космонавту. Космонавты, как известно, на каждом углу не валяются.

– Мне кажется, в вас говорит зависть! – Белла продолжала прерванный разговор. – Всегда в центре всеобщего внимания были вы, а теперь ваше место заняли кригеры.

– Космонавты здесь ни при чем, – сказал Жюль.

– Кригеры тоже!

– Не буду с вами спорить. Честно говоря, я далек от этих проблем. Мы наверху занимаемся наукой, а не политикой.

Белла осуждающе покачала головой.

– Сейчас такое время, – сказала она, – что каждый должен быть политиком. Разве нарушение прав человека касается не каждого гражданина Земли? Даже если этот человек кригер?..

Жюль возвел очи горе. Санчес хохотнул.

– Ну как, тяжело? – проговорил он сквозь смех. – Напора нашей Беллы не всякий выдержит! – Он сделал паузу, ровно такую, чтобы фраза зазвучала двусмысленно, и продолжал: – Ладно, девочки. Не нападайте на гостя! Не всем же интересны эти проблемы!

Подали обед.

– Я голоден как волк, – предупредил Жюль. – Так что извините, друзья!..

Они переглянулись, и разговор прекратился. Блюда перед Жюлем были незнакомые, но чертовски аппетитные на вид. А потом оказались и чертовски вкусными. Когда Жюль покончил с томатным супом, Санчес заметил:

– Вы как из тюрьмы вырвались!

Жюль усмехнулся.

– Знаете ли, Анхель, клиника немногим отличается от тюрьмы! Кашки, кисельки, диета... Черт бы ее подрал!

Они весело рассмеялись. Особенно заразительно хохотала Белла.

– Вы опасная женщина, Арабелла! – прошептал Жюль, склонившись к ее уху.

– А вы, мне кажется, опасный мужчина, – проговорила она сквозь смех. – Даже после клиники.

Разговор возобновился. Их крепко интересовал космос, и Жюль едва успевал отвечать на сыплющиеся с трех сторон вопросы. Проверка подготовки получилась основательная. Впрочем, знакомые ребята из космонавтов говорили ему, что это почти везде так. Видно, тяга к космическому у людей в крови. Кто-то даже сказал, что это безусловный рефлекс. Как чувство голода или либидо.

Потом они пили коньяк, опять ели, снова пили. Разговор потек совсем пустой, о популярных музыкальных группах и современной моде, о яхтах и лыжах, о любви и дружбе. Потом кресла женщин оказались рядом с креслом Жюля, и он начисто перестал фиксировать всю эту болтовню, потому что справа ежеминутно упиралась ему в плечо упругая грудь Арабеллы, а

когда он от нее отодвигался, то слева наткнулся на такие же прелести черненькой Лины. Он медленно, но верно доходил, а бандит Санчес даже не собирался прекращать это безобразие. Потом, наконец, все выдохлись, и женщины отправились привести себя в порядок. Жюль с Санчесом вышли на открытую площадку проветриться.

Оказалось, уже наступил вечер, и на улице изрядно потемнело.

– Ну как? – спросил Санчес.

– Они меня совращают, – пожаловался Жюль.

– Да ну? – Санчес хохотнул. – Было бы странно, если б они этого не делали. Женщины ведь! Разве ты не заметил?

– Заметил! – веско сказал Жюль. – Лина очаровательна!

– А Арабелла?

– О-о-о! – Жюль закатил глаза.

– Прекрасно! Дарю!

– Которую?

– А хоть обеих! – Санчес снова хохотнул.

– Благодарю, – сказал Жюль проникновенно. – Королевский подарок!.. Вот только что я буду делать сразу с двумя? Я, одинокий больной космонавт?..

– Ну хорошо, хорошо, – проговорил Санчес. – Одну провожу я. Только предпочел бы, чтобы на мою долю досталась сестра.

– Почему?

– Потому что пораньше хочу сегодня лечь баиньки. – Он потянулся. – Уж лев в ночи разинул пасть...

Жюль замер. Это был пароль, но пароль с сегодняшнего дня аннулированный и замененный новым. А этим пользовался еще Генрих до своего исчезновения. Потому Жюль и ухом не повел.

– Ты пишешь стихи? – спросил он.

– Нет, – сказал Санчес равнодушно. – Это строчка из стихотворения одного поэта. Его звали Генрихом...

– Гейне, что ли?.. А как дальше?

Санчес зевнул и снова потянулся.

– Пошли к девчонкам.

Они вернулись за стол. Вечер был продолжен. Жюль из кожи вон лез, чтобы поддержать веселое настроение, но Санчес, похоже, потерял интерес к беседе. Сначала он коротко взглянул на Лину, и девушка тут же отодвинулась от Жюля, затаилась в своем кресле, поблескивая черными глазенками, как маленький пугливый зверек, и только слушала, как синеокая Арабелла хмельным голосом вкручивает Жюлю что-то насчет того, какими должны быть подружки у космонавтов, по-прежнему старательно прижимаясь к нему великолепным телом. Потом Санчес принялся зевать, чуть прикрываясь рукой и тут же обтирая ею лицо, как после купания. Жюль понял, что пора расходиться. Он полез в карман за кредитной карточкой, но Санчес запротестовал.

– Нет-нет! – сказал он. – Ты гость, Жюль! Так что плачу сегодня я.

Жюль пожал плечами. Санчес подозвал официантку и расплатился.

– Ничего, – сказал он. – Будет еще и твоя очередь. Не в последний раз встречаемся... Пошли, сестра!

И тут Жюль увидел, что маленький зверек смотрит на него с сожалением и надеждой. Черт, подумал Жюль, неужели я произвел на нее такое сильное впечатление своими дифирамбами космосу и космонавтам?

– Пошли, Лина! – повторил Санчес.

– Вы проводите меня, герой космоса? – пропела Арабелла.

– Да-да, конечно! – спохватился Жюль, переводя взгляд на нее. – Разумеется.

В дверях Лина снова оглянулась.

– Да перестаньте вы пялиться на нее, Жюль! – повысила голос Арабелла. – Анхель ее с первым встречным не отпустит, не тот он парень!

– А вы, Арабелла?

– Во-первых, Жюль, Белла... Ведь мы же друзья?

Жюль кивнул.

– А во-вторых, я женщина свободная. – Она поджала губы. – С кем хочу, с тем и иду!

Жюль поспешно сыграл отступление. Он учтиво помог ей облачиться в этот самый не то халат, не то плащ. Он предложил ей руку и свел по лестнице, придерживая за локоток, когда ее особенно сильно заносило. Внизу он изобразил покорную готовность идти за ней хоть на край света.

– Давно бы так! – удовлетворенно проворковала Арабелла. – Только знаете, Жюль, давайте лучше я вас провожу.

– Удобно ли это будет? – усомнился Жюль.

– Удобно, удобно!.. Разве у нас не эмансипация?.. И потом я живу далеко. Вы и дороги-то обратно не найдете!

– А как же вы? – спросил Жюль лукаво.

– О, как-нибудь доберусь! Я ведь здешняя, меня тут каждая собака знает.

Тем более, что возвращаться ты будешь утром, подумал Жюль.

Он обнял ее за плечи. Она тут же с готовностью прижалась к нему, и они потащились. Окружающая обстановка вполне располагала к любви. Было довольно тепло, одуряюще пахли незнакомые деревья, отовсюду заливались на разные голоса какие-то птицы. Словно на дворе была весна. Фонари горели редко и слабо, и Жюль с Беллой целовались в тени каждого дерева. Из-под расстегнутого плаща– халата пыхало таким жаром, что Жюлю становилось не по себе. А когда они перебирались от дерева к дереву, она щебетала о какой-то ерунде, а он пересыпал ее щебетание междометиями и обдумывал сложившуюся ситуацию.

Могло, конечно, что-то и получиться, хотя ее интерес к нему носил, кажется, только сексуальный характер... Может быть, все-таки попробовать? Или подождать до следующего раза?.. И не давало ему покоя то, что за прошедшую половину дня он так и не связался с Артуром и потому вынужден плутать в темноте.

Так он и колебался до самого своего коттеджа, не зная, как поступить. С одной стороны, Санчес был весьма любопытной зацепкой, а с другой – провалы чаще всего и происходят от излишней торопливости.

– А знаете, Белла, – сказал Жюль, когда они дотащились до места, – ведь у меня нет презервативов.

Белла коротко хохотнула.

– Ну и беда! – сказала она утробным голосом. – А «Сэплай» на что?

– Вы знаете, Арабелла, – повторил он с сомнением, – все-таки я сегодня очень устал. Дорога, сами понимаете...

Беллу словно ударили. Глаза ее сузились, лицо вспыхнуло, пальцы судорожно тронули застежки на плаще. Она вполголоса выругалась и побрела прочь, опустив голову. Видимо, в ее жизни это был первый случай с подобным исходом.

– Может быть, вас все-таки проводить? – крикнул Жюль ей вслед.

Она только дернула плечами и, не оборачиваясь, прибавила шагу. Вот-вот бросится бежать.

Потерпи, девочка, подумал Жюль. Я еще утолю твоё любопытство. Дай только срок, чтобы подготовиться. Видит Бог, сегодня мне играть в эти игры еще рано.

Он набрал код на замке и, открыв дверь, вошел в прихожую. Вспыхнул свет. Жюль внимательно осмотрелся. Потом прошел в гостиную и снова внимательно осмотрелся. Все вещи лежали на своих местах, да и чутье подсказывало, что никто в его отсутствие сюда не заходил.

– Дорогу осилит идущий, – сказал он вслух, достал из кармана и включил «карандаш».

«Карандаш» тревожно замигал красным.

3

Утром Жюль облазил весь коттедж. «Жучков» напичкали предостаточно, но телекамер он не обнаружил, и это его успокоило. Работать под видеоконтролем было бы уж совсем паршиво.

Хотя с какой стати сразу ставить меня на видеоконтроль, подумал Жюль. Я ведь пока только на подозрении, а если на каждого подозреваемого заводить видеоконтроль... Этак ни аппаратуры, ни кадров не хватит!.. Однако, когда же это я получил «жучка» на куртку? Ай да Арабелла! Профессиональная работа!

Он снял куртку с вешалки и отправил в утилизатор. Потом заказал себе новую, темно-зеленую, водонепроницаемую и безо всех этих разноцветных клапанов и сверкающих молний. Когда куртку прислали, он проверил ее «карандашом» и, сняв таким образом подозрение с местного отделения «Сэплай», обследовал весь остальной гардероб. «Жучков» не было. Аппаратура же в стенах коттеджа его пока не очень волновала.

Завтракать он решил дома. Заказал продукты, загрузил ими кухонный комбайн и, когда тот удовлетворенно заурчал, отправился в гостиную смотреть «Всемирные новости».

Ничего сногшибательного за истекшие сутки на планете не произошло. Где-то хорошими темпами строились весьма важные объекты, где-то не менее важные объекты ломались, кто-то куда-то плыл, кто-то откуда-то летел. В веренице сообщений не ощущалось никакой особой тревоги, а потому все это было от Жюля далеко– далеко, как будто и не на Земле вовсе.

Внимание его привлекло сообщение из Северной Франции. Блокированная там банда Лавая, воспользовавшись рогозейством стоявших в оцеплении, вырвалась из мешка, разгромила в процессе прорыва одно из подразделений ЮНДО и рассыпалась. Как всегда юндовцам не досталось ни одного трупа, который можно было бы опознать. И опять осталось неразгаданным, как они осуществляют самосожжение... В Торонто убит уполномоченный ЮНДО. Фотография. Лицо Жюлю незнакомо... После этого пролили бальзам на раны: в Италии удалось накрыть еще один подпольный склад оружия. Десятки тысяч единиц вооружения, сотни тонн боеприпасов. И никакой зацепки. Одни обгоревшие трупы... Ассоциация открещивается ото всех дел, объявив, что за индивидуалов она ответственности не несет.

Крепко сидят, сволочи, подумал Жюль. Мы же чаще всего работаем по-школярски. А как работать иначе, если у них сплошные профессионалы? И отец военный, и дед военный, и прадед военный, и седьмая вода на киселе три века назад порох нюхала! И каждый работает там, где живет, где местность знает до последнего кустика, где его каждая кочка спрячет! А наши вынуждены сидеть по дырам, потому что идет настоящая охота. А из дыры много не накомандуешь!.. И ведь куда бьют, сволочи, в самое сердце! Понимают, что ЮНДО без профессионалов – плакат на стене!.. И попробуй, зацепись: везде доведенные до отчаяния травлей террористы-одиночки. Хоть и торчат за ними уши ФМА, но уши – это еще не доказательства.

Он сплюнул и пошел завтракать. Позавтракав, связался со штурманом Дальнего Космического Флота Сергеевым. Того на месте не оказалось. Как и следовало ожидать. Тогда Жюль связался с бортмехаником «Крыма» Гиборьяном. Анри оказался на месте, и они мило побеседовали минут десять. Анри объявил, что «Крым» в ближайший месяц будет на профилактике, так что разговаривать с ним позволительно хоть каждый день. А найти его Жюль может либо дома, либо на борту корабля – как повезет. Жюль порадовал Гиборьяна известием, что хорошо устроился, и поплакался о скуке, которая его ждет здесь одинокого космонавта. Анри посоветовал ему почаще обращать внимание на женщин, тогда скучать будет некогда. На том и распрощались. Анри у себя на Куру отправился трудиться, а Жюль решил, что пора нанести визит доктору.

4

Жюль стоял перед воротами и смотрел на окна особняка. Тот оказался современным, двухэтажным, с крышей, покрытой энергетическими панелями. Решетка вокруг него оказалась старинной, по-видимому, вывезенной из Европы, с вензелями и чьим-то давно забытым гербом. Ворота в решетке оказались широкими, высокими и закрытыми на современный кодовый замок. На воротах висела массивная бронзовая доска с надписью «Арчибальд Спенсер, доктор медицины».

Красивая была доска. И решетка красивая. Как и весь особняк. А доктор Спенсер хоть и не был красив, но чрезвычайно нужен Жюлю. И потому Жюль несказанно удивился, когда понял, что сейчас уйдет отсюда. Вот только сделает вид, будто ему очень понравилась доска. Исключительно как любителю старины!.. Откуда же ему, обыкновенному туристу, знать, что доктор Спенсер никакого отношения к старине не имеет. Это известно лишь тем, кто знает, что доктор Спенсер не столько доктор медицины Арчибальд Спенсер, сколько резидент Восточного сектора Секретного отдела ЮНДО (псевдоним Артур), но ему, Жюлю Карне, космонавту на реабилитации, ничего подобного известно быть не может.

Жюль послунывил палец, потер им доску, потом резко повернулся на каблуках и пошел прочь.

Странно, думал он. Словно паралич воли... Словно кто-то запрещает мне войти туда!.. А вот сейчас развернусь и двину обратно! Должен же я встретиться с Артуром! Это же все планы рушатся! Вот сейчас...

Ничего не произошло. Ноги по-прежнему несли его все дальше и дальше от явки, словно ими управлял кто-то со стороны.

И Жюль вдруг успокоился, ибо понял, что так и должно быть; что все происходящее, вроде бы и противоречащее здравому смыслу, на самом деле ничему не противоречит; что все это происходит исключительно и только в его интересах. Понимание шло изнутри, из самых глубин души. Если бы Жюля спросили, откуда он это взял, если бы у него поинтересовались, на основании каких фактов он это решил, он бы не смог ответить. Он просто знал, *просто знал*. Как знают, что есть солнце и ветер, что за ночью всегда приходит день, что не рождаются дети без матери. Он знал это не сам, а словно со стороны, и словно со стороны видел себя, лжекосмонавта и лжебольного, лжерубаху-парня и лжелюбимца женщин, а фактически одного из лучших диггеров ЮНДО, обладающего не только огромным опытом конспиративной работы, но и с некоторых пор умением включиться в партнера. Он смотрел на себя со стороны и думал о том, что все идет прахом, что весь план, разработанный Одиссеем и Грэмом, летит к дьяволу.

Направленное инфразвуковое воздействие, понял он вдруг и с облегчением вздохнул. Потому что это была уже не какая-то чертовщина, это был нормальный материализм, без мистики и фантазии. С этим вполне можно было двинуть в город, по платному экранированному каналу связаться со своими и поставить их в известность об угрозе срыва операции.

Эта мысль его успокоила окончательно. Он быстренько сориентировался, вспомнил вызубренное расписание экспрессов «Гринкоуст – Лонгвилль» и направился на вокзал. Не пройдя и ста метров, он обнаружил за собой хвост. Хвост был настолько примитивен, что Жюль даже засомневался: не случайное ли совпадение? Слишком уж этот молодой человек походил на сыщиков из детективных фильмов – серая шляпа, серый плащ, пустые глаза и неослабный интерес к витринам магазинов. Для вящей убедительности не хватало только вечерашней газеты с круглой дырой посреди полосы... Жюль сыграл с молодцом в «лабиринт» и после четвертого поворота убедился, что это действительно соглядатай.

Потрясающее нахальство, обиделся Жюль. За кого меня принимают?.. Сбросить этого лопуха не составит труда даже школьнику!

Однако интуиция подсказывала ему, что действовать надо осторожно. Жюль решил качнуть маятник, повернулся и пошел соглядатаю навстречу. Встретившись с подчеркнуто-равнодушным взглядом шпика, он не удержался и подмигнул. Никакой реакции на выходку не последовало: шпик не спеша проследовал мимо.

Жюль раскачивал маятник минут десять, автоматически засекая всех окружающих, и вскоре обнаружил, что хвост двойной. Прикрытием серого молодчика была парочка влюбленных. Эти работали вполне профессионально. Во всяком случае, страсть, с которой они целовались, когда Жюль проходил мимо, выглядела очень натурально. Для полного правдоподобия в этих поцелуях не хватало только некоторой доли сексуальности. Можно было, конечно, поискать и еще прикрытия, но Жюль посчитал, что это было бы уже слишком, да и времени до экспресса оставалось немного. Поэтому он быстренько сбросил всех троих и помчался на вокзал, представляя себе, как они там сейчас сзади испуганно мечутся, пытаясь понять, куда он исчез, и как им теперь не до поцелуев.

На перроне, перед тем, как сесть в вагон, Жюль окинул взглядом толпящихся вокруг попутчиков. Подозрительных вроде бы не было. Он облегченно вздохнул и отправился на свое место.

5

В Лонгвилле, выйдя из вагона, он еще раз огляделся и только после этого двинулся к стоянке такси перед Северным вокзалом. Ехать решил на ретро: меньше шансов оставить след.

На стоянке было полно свободных машин, и Жюль подивился доступности этого вида транспорта в Лонгвилле. Как правило, такси с живым шофером шли нарасхват.

Подойдя к ближней машине, Жюль обнаружил, что она пуста. Не было водителей и в других. Он принялся растерянно озираться и, наконец, обнаружил хозяев ретро. Водители стояли кружком около фонарного столба и о чем-то судачили.

– Эй! – крикнул Жюль.

Таксисты разом обернулись и с удивлением посмотрели на него, однако с места не сдвинулись. Тогда Жюль подошел к ним сам: не кричать же «Эй!» еще раз.

– Господа! Кто подвезет одинокого усталого мужчину?

Господа особого желания не выразили, только один, пожилой таксист в старомодной униформе, сказал ему:

– Мистер, вы, по-видимому, нездешний?

– Точно, – сказал Жюль. – Я космонавт, с севера... А как вы, простите, догадались?

– Все здешние знают, что мы сегодня бастуем. Вон там, за углом стоянка автоматов... Впрочем, космонавта я бы мог подвезти. Просто так, в качестве подарка.

– Это за что же такая милость? – спросил Жюль.

– А у меня младший сын на Луне!.. Одну минуточку.

Таксист вернулся к товарищам, о чем-то с ними пошептался. Те с интересом посмотрели на Жюля, один из них хлопнул приятеля по плечу. Пожилой пригласил Жюля в машину.

– Куда едем? – спросил он, прогревая мотор.

Жюль назвал адрес ближайшего к Станции Экранированной Связи кафе.

– Далековато. – Таксист покачал головой. – Но космонавта отвезу. Слово старого Хесуса – кремень!

Он плавно сдвинул машину с места, разогнал ее и аккуратно вписал в поток транспорта, движущийся по улице. Автомат-такси тут бы постоял со своим локатором.

– Вы у нас отдыхаете или как? – спросил таксист.

– Отдыхаю, – сказал Жюль. – После трудов праведных.

– Мой Уго тоже скоро прилетит в отпуск, – сказал таксист. – Через два месяца. В самую-то непогоду.

– А по какому поводу у вас забастовка? – спросил Жюль.

– О-о! – воскликнул таксист. – Это мы в поддержку кригеров.

– С каких это пор кригеры стали нуждаться в поддержке таксистов? – удивился Жюль.

Шофер усмехнулся.

– Вы там в космосе как за каменной стеной, – сказал он. – Ничего не знаете... Прошли те времена, когда кригеры жили в свое удовольствие. Взались за них и, надо сказать, взались основательно! Вот мы и бастуем.

– А какое вам дело до кригеров?

– А дело нам до них самое прямое!.. У меня старший сын – кригер, у большинства моих приятелей сыновья тоже кригеры.

– И где же теперь эти кригеры?

– Да уж не в космосе, конечно! – Таксист рассмеялся. – Где им надо быть, там они и есть!

Все ясно, дядя, подумал Жюль. Партизанит твой старший сын, ждет, пока ему дырку во лбу прокрутят.

– Вот вы мне скажите, мистер, – проговорил таксист. – Как же это получается?.. Всегда кригеры нужны были, самыми уважаемыми людьми у нас считались!.. А теперь что же? Ни к чему?

– Так Договор же заключили, – сказал Жюль. – Зачем они теперь?.. От кого защищаться?

– Э-э, нет! – Таксист погрозил в пространство пальцем. – Вот вы говорите, не нужны. А кто защитит город от банд? Вам хорошо, вы приехали и уехали! А каково фермерам?.. Каждый день кого-нибудь грабят.

Так кригеры же и грабят, хотел сказать Жюль. Но не сказал – ни к чему. Вместо этого предложил:

– Обратитесь в ЮНДО.

Таксист посмотрел на него с возмущением, словно Жюль предложил ему нечто противозаконное.

– Нет, – сказал он. – Уж лучше обратиться к самому дьяволу!.. И вообще, я дальше ехать не могу... Совсем забыл, что приятель просил помочь. Так что извините, мистер, но...

Он подкатил к тротуару и остановил машину.

– Сколько с меня? – спросил Жюль.

– Ничего, – сказал таксист. – Старый Хесус космонавтов возит бесплатно. Еще раз извините... Тут не так уж и далеко до вашего кафе. Пройдете по этой улице и через три квартала повернете направо. Или вызовите автомат-такси.

Он укатил.

Станный старик, подумал Жюль. Отец кригера... И, кажется, очень не любит ЮНДО... Стоило бы запомнить номер! Впрочем, ладно, если что, найти его будет нетрудно.

Он осмотрелся, отыскал на ближайшем доме табличку и прочел название улицы. Вспомнил карту города, сориентировался и убедился, что отсюда до Станции Экранированной Связи ближе, чем от кафе. Но теперь ему на Станцию совсем не хотелось. Он вдруг понял, что ему там делать нечего. Одиссей ему просто не поверит.

И в самом деле, уважаемый, с чего это вы взяли, что наш боевой товарищ, наш Артур, уже шесть лет сидящий в Тайгерленде резидентом и столько сделавший для нашего дела, вдруг занялся какой-то чепухой. Инфразвуковым генератором он, видите ли, людей пугает!.. Вы в этом уверены? Ах, вы в этом не уверены, вам просто кажется! А может быть, вам покажется, что и ЮНДО уже не ЮНДО, и что мы все стали платными агентами Ассоциации... Да, вы тоже наш давний боевой товарищ и вы тоже очень много сделали для общего дела, но это еще не дает вам права!.. Ну, и так далее, Одиссей – мастак на подобные речи... Да и то правда: фактов ведь действительно нет. А как объяснишь, что старый боевой товарищ это просто знает?.. Знает, и все!

Жюль вздохнул и решил, что, раз уж он сюда приехал, надо хотя бы позаботиться о посылке.

6

На Центральном почтамте он задержался ненадолго. В международном отделе получил адресованную ему посылку, вскрыл контейнер и вытащил из него кейс. Потом направился в отдел местных пересылок. Здесь досмотр отправлений уже не производился, и все оказалось гораздо проще. Впрочем, в Париже Одиссею с его полномочиями было не сложнее: ЮНДО – это вам не какая-то частная сыскная контора. Жюль открыл кейс, коробку с пистолетом упаковал в отдельную посылку, а пеленгатор, замаскированный под стандартный радиоприемник фирмы «Фаулер», оставил в кейсе. Там же остались и таблетки активатора, выполненные в виде упаковок бетазина. Потом Жюль снял две свободных ячейки, оплатил аренду их на три месяца вперед, ввел в обе свой шифр и код «Пересылка по требованию адресата». Коробку с пистолетом он положил в одну ячейку, а кейс в другую и, запомнив номера, закрыл их. Больше дел у него в городе не было, но почему-то очень не хотелось возвращаться в Гринкоуст, и он решил провести день в городе. А заодно и посмотреть потом, как будут реагировать на его отсутствие те, кто по неизвестным причинам им заинтересовался.

Он погулял в одном из парков, потом не спеша пообедал, потом еще пару часиков погулял, потом посидел в каком-то баре, разглядывая веселящуюся публику. Никто не обращал на него внимания, и он спокойно размышлял о создавшейся ситуации. Ситуация складывалась не слишком перспективная. То, что из особняка Спенсера на него шло какое-то воздействие, срывало все разработанные еще в Париже планы, ибо работа без связи всегда не более чем плутание в потемках. Но это было еще не самое страшное, гораздо страшнее было то, что и к своим за помощью обратиться он не имел никакой возможности, ибо его сразу бы спросили, почему он не выходит на связь с Артуром. И назови он действительную причину, его бы просто-напросто сочли сошедшим с ума. Тем более теперь, после лечения у Бакстера в Швейцарии... И все гораздо хуже еще и потому, что через пять дней Артур сообщит: агент на связь с ним не вышел, Одиссей тут же закрутит свою машину, и тогда от ответа уже не уйдешь. Да еще если эта возня в Гринкоусте насторожит Ассоциацию... Да еще если Ультиматум окажется совсем не блефом, как считает Грэм... И получается всего-то у него пять дней, за которые он должен определить, каков интерес у Ассоциации в этом курортном городке на берегу океана. Вообще-то положение, конечно, не безнадежное, бывало и хуже, но что-то в нынешнем деле не то, не как всегда, и это внушает опасения...

Он еще посидел немного, потом решил, что пора все-таки на вокзал, но добираться решил пешком. Он не отдавал себе в этом отчета, но явно стремился оттянуть возвращение в Гринкоуст.

Он расплатился, покинул бар и через некоторое время вышел на площадь Республики и окунулся в огромную толпу бездельников, собравшихся в город со всего побережья в поисках новых развлечений. Людской поток закрутил его, вынес на проспект Свободы. По вечерам проспект закрывался для транспорта, и толпа двигалась прямо по проезжей части. Здесь царствовал кинематограф, и вечер был до краев наполнен огнями и какофонией многочисленных рекламных панно.

Ну-ка, ну-ка, сказал себе Жюль. Поглядим, что предлагают тут жаждающим повеселиться.

Он не спеша двинулся вдоль проспекта. С обеих сторон на него смотрели гнусные уроды и обольстительные красотки, куда-то к верхним этажам зданий стартовали умопомрачительные космические корабли, отправляющиеся к неизведанным мирам, то тут, то там занимались любовью средневековые короли и их златовласые и голубоглазые фаворитки. Лица королей были унылы, словно они отбывали очередной срок в лагере для рецидивистов, а фаворитки с чувством исполняемого долга освобождали свои прелести от тяжелых парчовых нарядов.

Толпа выла от восторга.

– Ой, девочки! – тараторила рядом с Жюлем какая-то девица. – Смотрите! «Снежное лето»!.. Дэвид Пирсон в главной роли!.. Пойдемте, а?

– Да отстань ты со своим Пирсоном! – отвечали ей. – Тоже мне звезда!.. Гора мускулов при птичьем мозге!.. Пойдем лучше на «Солнечную рапсодию». Какие там съемки – закачаешься! А какая любовь!!!

– Ребята! – орал стриженный наголо парень в серебристом комбинезоне. – Святой Сильвестр! Вот куда надо идти!

Жюль поднял голову. С рекламного панно на него смотрел мужественным взором этакий красавец. Как сказал бы Анри, «гроза всех женщин мира». Вокруг панно бежала надпись: «По вашим многочисленным заявкам! Только у нас и нигде больше! Копия изготовлена еще в прошлом веке! Целостность сюжета гарантируем! Наш девиз – никаких купюр!»

– А кто это? – спросил Жюль у парня в серебристом комбинезоне.

Тот присвистнул.

– Ты что, дядя, с Луны свалился?! Это же Рэмбо! Сильвестр Сталлоне! Первый святой для всех посткригеров!

– А второй святой кто? – не удержался Жюль.

Парень презрительно рассмеялся.

– Шел бы ты, дядя, отсюда!.. Чего торчишь около нашего клуба? – Он выругался. – А может быть, ты, дядя, еще и пацифист? Во!.. – Парень вынул руки из карманов и показал приличных размеров кулачище.

– Что вы, что вы?.. Терпеть не могу пацифистов! – сказал Жюль и быстренько затесался в толпу. Удалившись от шального посткригера, он снова поднял голову. Над рекламным панно со святым Сильвестром светилось фиолетовым название клуба. «Огненные меченосцы», прочел Жюль.

Вот, теперь еще и посткригеры появились, подумал он. Мало было нам просто кригеров, мало было нам пэйсивкригеров, так получите еще и посткригеров. Уже и юнцы туда же!.. А вот и еще любопытная штука... Весь мир говорит о разоружении, и вдруг такая вспышка интереса к военной теме. И интерес этот, боюсь, совсем не академический! Не «А ну-ка, как оно там было, у предков?»... С душком интерес этот и с тяжелым душком: не жареным ли пахнет?

Он двинулся дальше, разглядывая рекламы, и скоро обнаружил, что среди фантастических боевиков и любовных мелодрам, среди блэкхорэфилмз, слащавых музыкальных псевдо-трагедий и прочей дребедени военные ленты занимали не менее половины репертуара. Было много фильмов двадцатого века, которые, судя по очередям у касс, пользовались немалой популярностью. Попадались и новые современные ленты. Их, правда, насчитывалось всего штук пять: нынешнее кино редко касается военной темы, ибо все, что можно сказать о войне и мире, давно уже сказано. И не хотят ведь люди сидеть дома, тянет их на массовое видео!..

Жюль не спеша шел по проспекту, читая названия лент. Чередой тянулись светящиеся строки, включающие в себя слово «солдат»: от японского фильма «Солдат императора» до бразильского «Солдаты в джунглях Амазонии». Чуть в стороне сиял бравый герой из советского боевика прошлого века «Одинокое плавание».

Прибавится забот социологам и социопсихологам, подумал Жюль. Особенно, если процесс станет тянуть на глобальность. А как будут потирать руки апологеты изначальной природной агрессивности человека!.. Где-то наши умники допустили промашку.

Вспышки и вопли стали действовать ему на нервы. Он выбрался из толпы и свернул в неширокий переулок. По сравнению с залитым огнями проспектом слабо освещенный переулок показался ему черным коридором, и Жюль поневоле прибавил шагу. Впрочем, переулок оказался коротким, и через пару минут он вышел на параллельную проспекту Свободы улицу.

Тишины не было и здесь. По улице неторопливо, как равнинная река, катился поток демонстрантов. Над колонной плескались зелено–голубые знамена Всемирного Союза Паци-

фистов. Среди демонстрантов были и пожилые люди, и молодежь. Многие катили перед собой коляски с детьми.

Жюль остановился у витрины какого-то кабака. Посетители высыпали наружу и глазели на демонстрантов. Слышались одобрительные и осуждающие возгласы.

– Все ходят! – сказал Жюлю усатый толстяк, держащий в правой руке полную кружку пива. – Не ходить надо, а кишки кригерам выпускать!

– Так уж сразу и кишки? – усомнился Жюль.

Толстяк негодуяюще взмахнул кружкой. Пиво плеснулось на асфальт.

– Именно кишки! – сказал он. – А то мы их уговариваем... «Не будете ли вы так любезны, мистер, – прогнусавил он, передразнивая кого-то, – продать государству ваш автомат?.. Ах, вы еще не решили, что с ним делать?.. Хорошо, мы подождем, нам спешить некуда, за нами история!» – Он снова взмахнул кружкой. – А когда дожидаемся решения мистера, получаем еще одного вооруженного бандита.

– Ну, это не всегда, – сказал Жюль.

Глаза толстяка сверкнули.

– Не всегда, – согласился он. – Но и имеющихся случаев с избытком! Вы посмотрите, что по миру делается... Разбой, вылазки, демонстрации... Хорошо, у нас еще тихо. Эти, – он кивнул на колонну демонстрантов, – не в счет. Тихо ходят... А на тех молодежь смотрит. Вот уже новые кригеры появились. Которые и армии-то в глаза не видели. Погодите, дождетесь, они еще покажут себя. Не вы, так они вам кишки выпустят. – Он погрозил в пространство кулаком.

– И какой же вы видите выход? – спросил Жюль.

– А выход очень простой! – сказал толстяк. – Нашли у тебя оружие – становись к стенке. И из твоего же оружия!.. А сопляков – в лагерь, на перевоспитание...

– Ну, это не ново, – сказал Жюль. – Это мы уже слышали, и не раз!

Колонна вдруг споткнулась, притормозила, заколыхалась, словно матерчатое полотнище.

– Кригеры! – заорал кто-то истошно.

Жюль увидел, как вынырнула из следующего переулка толпа дюжих молодцев в серебристых комбинезонах и врубилась прямо в стену демонстрантов. Замелькали над головами дубинки, завизжали женщины. Откуда-то возникли полицейские «джамперы», зависли над толпой, понеслись сквозь рев дерущихся малоразборчивые команды. И тут впереди, где разворачивалась битва, отрывисто протатакал автомат. Сейчас же из темного переулка, по которому несколько минут назад проходил Жюль, ширкнуло пламя. Один из «джамперов», висящих над толпой, лопнул и начал разваливаться на куски. Жюль бросился на асфальт и закрыл голову руками. Лежа, он услышал, как ширкнуло еще раз. Грохот взрыва потонул в тысячеголосом вое: по-видимому, граната взорвалась в толпе. Больше выстрелов не было, уши заложило от тоскливого нытья полицейских сирен.

Жюль оторвал голову от асфальта. Перед ним металась обезумевшие от ужаса люди. Прямо на середине улицы полыхали обломки «джампера». Чуть в стороне валялась раздавленная детская коляска. Разговорчивый толстяк сидел на тротуаре, неловко привалившись к стене левым плечом. На полураскрытых губах его надулся и лопнул красный пузырь, и из уголка рта потянулась тонкая струйка крови. Мертвые глаза удивленно смотрели на Жюля. Пивной кружки толстяк из руки так и не выпустил.

И тогда Жюль вскочил и, на всякий случай пригибаясь, в два прыжка достиг угла и бросился в темноту переулка, где скрывался неведомый гранатометчик.

7

Утром ему стало совсем плохо.

Вот и второй день прошел, думал он. А вокруг по-прежнему темнота!.. Хорош диггер, нечего сказать! Вместо того, чтобы заниматься делом, мотается по другому городу, мечется из угла в угол, а уж про конец походов и вспомнить стыдно. Вместо того, чтобы быстро уйти с места инцидента, взял и ввязался...

Он вспомнил, как хладнокровно, ударом кулака уложил вчерашнего гранатометчика, и содрогнулся от омерзения. И тут же содрогнулся еще раз. От недоумения. Потому что этот гранатометчик был не первым убитым им человеком. Не первым, не вторым и даже не десятым. Жюль давно уже потерял счет кригерам, которых уничтожил собственными руками. Не в бою, не в облаве и не при прочесывании леса, а вот так – один на один – когда либо он тебя, либо ты его. И давно уже угрызения совести настолько ослабели, что воспринимались не более, чем щекоткой для души, а такого омерзения и вообще никогда не было, даже в самом начале, когда он убил первого – молодого арабского террориста, члена одной из экстремистских группировок, не признавших на ту пору решений международной конференции по Ближнему Востоку.

Да что же это такое, сказал он себе. Может быть, я все-таки не долечился?.. Может быть, все это лишь порождения больного воображения?.. И у Артура нет никакого инфразвука, и хвоста вчера не было?.. И надо же, в конце концов, заниматься делом!

Мысль, явившаяся в этот момент, показалась ему любопытной. Он подошел к тейлору и набрал номер, который дал ему позавчера чиновник из мэрии. На экране появилось лицо Пауэра.

– Здравствуйте, господин Карне! – Пауэр приветливо улыбнулся. – Как отдыхается? Чем могу быть полезен?

– Здравствуйте, господин Пауэр! – сказал Жюль. – Отдыхается прекрасно, спасибо... Есть одна просьба.

– Слушаю вас.

– Видите ли, господин Пауэр... У меня есть приятель, тоже космонавт. Его скоро спишут по возрасту, и он хотел бы остановиться в этих местах, в Гринкоусте.

– Все ясно, господин Карне! Ему нужен коттедж.

– Да, но он хотел бы что-нибудь этакое, необычное, с выкрутасами какими-нибудь. Чтобы коттедж был большой и чтобы у него была башенка на крыше.

Пауэр понимающе кивнул.

– Такие коттеджи дорого стоят, господин Карне. Да и хозяева могут не согласиться...

– Это уж не наша забота! Деньги у моего приятеля есть. А хозяев он будет уговаривать лично. Нужна лишь наводка – сами понимаете!..

– Мне все ясно, господин Карне. Список получите через несколько минут.

– Сколько я вам должен?

– О, не беспокойтесь. Такие справки бесплатны. – Чиновник отключился.

Жюль пошел на кухню и, ознакомившись со справочником местной почтовой фирмы, набрал серию кодов. Через несколько минут он достал из рисивера оставленный в Лонгвилле кейс. Информацию о пересылке тут же заблокировал личным кодом. Береженого Бог бережет... Потом полистал каталог сети «Сэплай», заказал радиоприемник фирмы «Фаулер» и кейс и тут же отправил оба предмета в утилизатор. Потом открыл свой кейс, достал свой «Фаулер» и сунул в карман куртки.

Когда он вернулся в гостиную, прострекотал принтер. Пауэр прислал обещанный список. Жюль взял в руки план поселка и наметил маршрут. Потом надел куртку и отправился на

прогулку. Дойдя до первого поворота, проверился. Хвоста не было. Это ему не понравилось. Он достал «карандаш», включил. «Карандаш» тут же ожил.

Ай да парни, подумал Жюль. Когда только успели?..

Определив частоту сигнала, он успокоился: «жучок» не должен был помешать.

Гуляющих на улицах было довольно много. Двигались, как и Жюль, неспешным прогулочным шагом, в основном по двое – по трое. Одиночек почти не было. На всякий случай Жюль фиксировал, но никакого интереса – ни скрытого, ни открытого – к нему не проявляли.

Солнце было занавешено плотной пеленой, но ветра почти не ощущалось. Жюль сделал вывод, что дождя вряд ли следует ожидать, и на улицах все время будет многолюдно.

Он шел по тротуару, равнодушно бросая взоры на номера коттеджей и с интересом разглядывая встречаемых женщин. Когда попадались особенно симпатичные, он позволял себе присвистнуть и, обернувшись, проводить их долгим взглядом. Кавалеры проходили мимо, презрительно отворачиваясь от его лихого посвиста, с физиономиями, излучающими сытое самодовольство. Словно владельцы породистых рысаков на конной выставке... За оградами металась вдоль сеток взмыленные любители тенниса. Со всех сторон доносились многочисленные плотные удары по мячам и сопровождающие их крики любителей кроссбола. Из ресторанов вытягивались навязчивые запахи готовящихся и тут же поглощаемых блюд. Каждый отдыхал как мог и как умел.

А Жюль шел и размышлял, почему Ассоциация выбрала для неизвестной ему цели именно Гринкоуст. Что было в этом курортном местечке особенного, чего не могло быть в больших городах, где можно скрыть целую армию и спокойно обделывать свои темные делишки?.. Хотя нет, тут он не прав, темными делишками Ассоциация не занимается. Это делают упыри, которые прикрываются ею. Кого-кого, а упырей в такие моменты всегда хватает – почему бы и не пошуровать под шумок!..

Через пять минут он добрался до первого адреса. Домик действительно не был похож на все окружающие. Башенка над его крышей выглядела как-то очень странно. Она была так же уродлива, как уродлива бородавка на лице красивой женщины. Она создавала впечатление чего-то лишнего, постороннего, ненужного. Он прошел мимо коттеджа, слегка замедлив шаги. «Фаулер» молчал. Жюль вздохнул и отправился к следующей архитектурной уродине.

Вся работа заняла два часа. «Фаулер» ни разу не подал признаков жизни. Жюль был спокоен – иного результата и не стоило ожидать: это самообман. Уж слишком бы просто и неинтересно все тогда оказалось!.. Нет, это самообман. Во-первых, вряд ли они пользовались аппаратурой, которая при остронаправленной передаче давала бы паразитные излучения достаточной для «Фаулера» мощности. А во-вторых, если бы его чувствительности и хватило для регистрации, то для начала надо было бы оказаться около передатчика именно в момент сеанса, а это выглядело уж слишком маловероятным. Тем не менее, порядок есть порядок, и совесть теперь в некоторой степени чиста. Хоть одно направление, да отработано.

Жюль зашел в парк, раскинувшийся напротив последнего прощупанного «Фаулером» особняка, немного походил по аллеям и все тем же прогулочным шагом отправился домой. Зашел во встретившуюся по дороге аптеку, где купил парочку упаковок бетазина. Выйдя из аптеки еще раз проверился и хвоста опять не нашел.

Дома он снял и отправил в утилизатор куртку. Вместе с упаковками купленного лекарства в правом кармане. Пусть голубчики поломают головы: то ли он знает о «жучках», то ли просто курток не носит больше одного дня. Потом достал из кейса полученные по почте упаковки и положил на столик в спальне. Потом вспомнил, что у больных рядом с лекарством всегда находится вода. Он наполнил стеклянный графин и отнес его в спальню, добавив к получившемуся натюрморту еще и стакан из кухонного набора.

И понял: как ни крутись, как ни обманывай себя, как ни отработывай других направлений, а без визита к Артуру не обойтись. Потому что все остальное может оказаться лишь эле-

ментарной потерей времени. А начальство зря не торопит!.. И, выдерживая марку, он отправился на кухню заказывать себе новую куртку.

8

Как только Жюль назвал в переговорное устройство свои фамилию и диагноз, ворота, перед которыми он стоял вчера утром, отворились. С трудом преодолевая все нарастающее воздействие, он медленно прошел по дорожке, усыпанной красным песком, и поднялся на крыльцо. Дверь открылась. Он вошел и остолбенел: перед ним стояла малышка Лина. Она удивленно смотрела на него. И воздействие тут же исчезло.

– Извините, – пробормотал Жюль. – Мне к доктору Спенсеру.

Лина повернулась и, все так же не говоря ни слова, вышла. Жюль растерянно посмотрел ей вслед и удивился своей растерянности.

Да что же это такое, сказал он себе. Ну ладно, она не ожидала меня здесь увидеть... А я-то что? Ведь, помнится, она говорила, что учится на медицинском, а здесь на практике...

– Доктор примет вас, – сказала Лина, появляясь из дверей, ничем не отличающихся от входных. – Пройдите, пожалуйста, сюда, в кабинет.

– Здравствуйте, Лина! – сказал Жюль.

– Проходите, пожалуйста! – повторила Лина настойчиво.

– Благодарю вас! – Жюль пожал плечами. Он понятия не имел, как себя с нею вести.

Спенсер сидел за столом и работал с компьютером.

– Слушаю вас, – сказал он, подняв голову. – На что жалуетесь?

– На жизнь, – сказал Жюль и произнес новый пароль, который Артур должен был получить позавчера утром.

Выслушав отзыв, Жюль приложил палец к губам и достал «карандаш». Артур рассмеялся.

– Не надо. Меня давно уже не слушают.

Они поздоровались.

– А мне повсюду насовали, – сказал Жюль.

– Это естественно, – ответил Спенсер. – В мертвый сезон всех новеньких так встречают.

Приехал бы летом...

– И кто же это? Разведка Тайгерленда?

– Тайгерлендскую разведку ликвидировали еще шесть лет назад. Даже архивы в Париж вывезли... Но люди наверняка остались. Видимо, пристроились к Ассоциации. Или она их сама отыскала... Когда прибыл?

– Позавчера.

– А почему вчера не пришел?

– Пытался. Хвостов понавешали.

– И чем занимался?

– Устроился. Съездил в Лонгвилль, присмотрелся.

– И каковы впечатления?

– Непокойно.

Спенсер встал из-за стола и прошелся по кабинету.

– Да, – сказал он. – Непокойно. Что-то затевается... Знать бы что!.. С чем тебя послали?

– Выяснить причины гибели Генриха.

– Гибели? – Спенсер удивился. – По-моему, я не докладывал о гибели, я докладывал об исчезновении.

– Одиссей считает, он погиб. Слишком много времени прошло. Нашел бы способ отозваться.

– Одиссей считает! – Спенсер усмехнулся. – Ему там, конечно, виднее, в Париже... Что требуется от меня?

Жюль прислушался к своим ощущениям. Опять что-то не так... Словно кукла передо мной. Живая кукла...

– Какие инструкции ты получил от Одиссея? – спросил он.

– Инструкции? – Спенсер пошевелил пальцами, словно попытался поймать что-то в воздухе. – Я должен помогать тебе в твоих действиях. Как я понимаю, ты – агент с неограниченными полномочиями.

Жюль улыбнулся.

– Ну что ж, – сказал он. – В таком случае мне хотелось бы знать имена всех, кого можно заподозрить в связях с Ассоциацией.

– Всех?! – Спенсер хмыкнул. – Из постоянно живущих можно подозревать каждого второго!.. Тайгерленд был сверхмилитаризованной страной. Тут все, кто не работал на иностранных туристов, в той или иной мере были связаны с военно– промышленным комплексом... Впрочем, список я тебе к завтрашнему дню подготовлю. Только знаешь, по этому списку надо целый год работать. И не одному тебе, а целой следственной группе!

Жюль помолчал.

– Хорошо, – сказал он. – В таком случае, что ты думаешь о некоем Анхеле Санчесе?

– Анхель Санчес? – Спенсер задумался. – Подожди... Это же родной брат моей медсестры-практикантки. Интересовался я им, было дело. Ничего особенного... Кригер. В подполье не был. В настоящее время работает в Экологической Службе. Если мне память не изменяет – инспектором. Должен быть в картотеке у Грэма. Правда, там таких сотни тысяч... Почему ты им заинтересовался?

– Вертелся вокруг меня позавчера. В ресторане угощал...

– Так ты же по легенде космонавт! Человеку могло быть просто интересно с тобой пообщаться. Чтобы потом похвастать в кругу друзей! Мало ли какие причуды бывают у людей.

– Возможно, – сказал Жюль. «А мне он хвастал знакомством с Генрихом, – подумал он. – Произнося пароль... Таковы уж причуды у эколога Санчеса». – Ну ладно, мне пора. Связь у меня только через тебя. Так что передай Одиссею, что я приступил к выполнению задания.

– Подожди, – сказал Спенсер. – Дискету с историей болезни оставь у меня. Болезнь – тоже легенда?

– Да. В общем.

– Тогда я зарегистрирую тебя. И сочиню результаты осмотра. – Он наклонился к селектору. – Лина!

Вошла Лина. Спенсер передал ей дискету.

– Это наш новый пациент. Господин Карне, космонавт. Зарегистрируйте его и внесите в список на завтра.

Лина вышла.

– У вас всегда так мало народа? – спросил Жюль.

– Сегодня неприемный день. Но и в приемные пациенты практически друг с другом не встречаются... Ладно, иди. Оружие есть?

– Зачем оно мне сейчас?

– Ладно. Потребуется – обеспечу!

– Буду весьма благодарен! – Жюль пожал Спенсеру руку.

Когда он вышел из кабинета, Лина сидела за терминалом. Пальцы ее бегали по клавиатуре. Увидев Жюля, она встала и молча повела к выходу.

Экая телочка, подумал Жюль, глядя на ее ягодицы, аппетитно обтянутые белым халатом. Интересно, какова эта милашка в постели?..

– Вы так и не хотите со мной поздороваться? – сказал он.

Лина поджала губы. Жюль вздохнул. Ребенок был с характером и ребенок злился на весь белый свет.

– С больными надо быть вежливой и предупредительной!

Лина возмущенно фыркнула:

– Вам назначено завтра на девять.

– И это все, что вы хотите мне сказать?

Лина молча открыла перед Жюлем дверь.

– А чем вы заняты сегодня вечером? – спросил он. – Мы могли бы вместе поужинать.

– Ужинайте со своей Арабеллой! Она будет с вами вежлива и предупредительна.

– Зря вы так! – сказал Жюль, но двери уже закрылись.

Жюль опять вздохнул и спустился с крыльца на дорожку. Когда ворота отворились перед ним, он оглянулся. Он готов был дать голову на отсечение, что Лина смотрит на него. И во взгляде ее есть все что угодно, только не равнодушие.

На улице стало теплее. Солнце уверенно продиралось сквозь тучи, с рассвета закрывавшие небо непроницаемой пеленой. Стены коттеджей сразу зацвели. Энергопанели на крышах с шелестом разворачивались, подставляя солнцу угольно-черные тела. Откуда-то доносилась ритмичная музыка: отдыхающие получали очередные порции удовольствий.

Жюль снял куртку, повесил на руку и отправился домой. Мысли его вернулись к Лине.

Похоже, девчонка просто влюбилась в меня, подумал он и присвистнул. Оказывается, в меня еще можно влюбиться!.. Сей факт дает мне кое-какие дополнительные козыри в намечающейся игре с ее братом.

Жюль отметил это профессионально и вдруг с удивлением обнаружил, что использовать эти козыри нет никакого желания.

Ужинайте со своей Арабеллой!.. А это мысль!

И он отправился в «Сиреневую веточку».

В ресторане Жюль уселся лицом к прозрачной наружной стене, заказал обед и стал ждать. Когда он заканчивал с салатом, на улице появилась Арабелла. Она уверенно направлялась в сторону ресторана. Жюль ждал. Через пару минут хрустальный голосок за его спиной произнес:

– Здравствуйте, герой космоса! Не пригласите ли даму пообедать в вашем обществе?

9

Как и позавчера, домой пробирались по улицам, уже освещенным фонарями. И снова пылал в объятиях Жюля ненасытный костер. А когда они добрались до коттеджа, Арабелла проворковала:

– Жюль! Вы и теперь отправите меня домой?

Контакт был, Жюль ощущал его и безо всякого активатора. А когда они танцевали под звуки незнакомого танго и целовались в пьянящей темноте, до него вдруг доходила помимо ожидания какая-то холодная тревога, странная и непонятная, излишняя в складывающейся обстановке, и было ясно, что к сексуальному уровню тревога эта не имеет никакого отношения. Но сейчас, когда Жюль ковырялся с замком, набирая код, а Арабелла терлась грудью о его спину, до него уже не доходило никакой тревоги, накатывали только теплые, бесконечные волны ее желания.

Не пустышку ли я тяну из предстоящей ночи, подумал Жюль. Может быть, передо мной обычная ночная жрица?.. Коллекционерша любовных ласк?.. Однако в последнем вопросе ее прорвался такой страх, будто попасть в мою постель для нее вопрос жизни и смерти!..

И он сказал, открывая двери:

– Что вы, Белла! Не в моих правилах заставлять женщину ждать так долго!

Эта пошлая фраза вызвала столь горячую волну радости, что Жюль поразился. Словно костер опалил!..

Он пропустил ее вперед и почувствовал, как в спину уперся сверлящий взгляд чьих-то глаз. Он не обернулся. Он понял, что все идет как надо, и аккуратно закрыл дверь.

От чая Арабелла отказалась и тут же умчалась приводить себя в порядок. Жюль тоже не стал прохладиться и поднялся в спальню. Застелил постель и разделся. Прежде чем лечь, оторвал от упаковки, лежащей на столе, крайнюю таблетку, положил в рот и запил водой. Упаковки бросил в ящик стола. Потом лег в постель. Когда по лестнице зашлепали босые ноги, он погасил свет. Дверь отворилась. Арабелла зашуршала одеждой.

– Ты где? – прошептала она.

– Иди сюда, – шепотом ответил Жюль.

Горячее жаждущее тело скользнуло к нему под одеяло, живой огонь захлестнул его, объел со всех сторон. И началось.

А когда кончилось, и Жюль расслабленно лежал, прислушиваясь, как растекается по телу, вытесняя умиротворение, принятый активатор, Арабелла прошептала:

– Можно, я закурю?

– Разве ты куришь? – спросил Жюль.

– После этого – да!

– Хорошо. Ради тебя я потерплю... На столе стакан, возьми вместо пепельницы.

Арабелла встала. Сквозь полуприкрытые ресницы Жюль увидел, как белеют в полутьме ее высокие груди. Она взяла в руки сумочку. Прострекотала застежка, никелем блеснул в руке Арабеллы медицинский иньектор. Холодный пяточок коснулся плеча Жюля, струйка жидкости легонько кольнула кожу, и тут же помчался к сердцу омерзительный поток лютого холода. Жюль понял, что через мгновение будет поздно, и *включился*.

Зажегся свет. Арабелла быстро одевалась, пристально глядя на него.

Сейчас он откроет глаза и тупо уставится в потолок, – подумала она.

Жюль открыл глаза и тупо уставился в потолок. На большее сил не хватало – волна лютого холода оказалась настолько мощной, что тут же погасила в нем мысли Арабеллы.

– Белла! – прошептал он.

Арабелла склонилась над ним, поцеловала в лоб.

– Лежи спокойно, милый. Я сейчас вернусь!

Она вышла. Жюль дождался, пока она спустится по лестнице, встал и с трудом доковылял до столика. Воля утекала бурным потоком. Ему очень не хотелось расстраивать свою любовницу, он лил слезы, проклиная судьбу, заставляющую его совершать поступки вопреки просьбе Арабеллы. Но что-то человеческое еще оставалось в нем. И это что-то заставило открыть ящик, отгрызть зубами от упаковки еще таблетку, проглотить ее и закрыть ящик. На воду сил уже не хватило. Зато обратно в постель он летел как на крыльях.

Я не хочу огорчать мою Арабеллу, шептал он себе, ведь она просила меня лежать, ведь она сейчас вернется, она обещала, она не попрощалась, она оставила мне надежду. И опять слезы текли по его лицу, на этот раз слезы счастья и радости.

– Шлюха! – донесся из-за двери злобный голос. – Неужели ты не могла обойтись без постели?

– В следующий раз сам пойдешь! – отвечала Арабелла. – Будешь обходиться без постели.

– Господа, господа! – предостерегающе произнес спокойный бас. – На личные темы побеседуете позже!..

Холод в сердце так и не исчез. Не освободилась от мутного тумана голова, не налились силой мышцы, и в тело не ворвались легкость и спокойствие. Разве что испарилась из сердца Жюля эта несчастная любовь.

Прошуршала открываемая дверь. В спальню ввалился красавчик Анхель, за ним вошли Арабелла и совершенно незнакомый маленький толстяк. Толстяк тут же вытащил из кармана носовой платок и промокнул им обширную лысину.

– Получите в лучшем виде! – сказала Арабелла.

– Шлюха! – снова прошипел Анхель, глядя на Жюля.

– Все! – резко оборвал его толстяк. – Вы свободны, Арабелла!

Девушка забрала свою сумочку и вышла. Толстяк наклонился над Жюлем, заглянул в глаза, оттянул веко.

– Чудно! – Он потер руки и достал из кармана диктофон. – Начнем!

Жюль попытался включиться в него и не смог. Ничего не получилось и с Анхелем. Единственное, что он слышал, это мысли Арабеллы, которая с удовольствием вспомнила о том, что происходило между ними четверть часа назад.

Что же это она такое мне вколола, подумал Жюль. Не иначе – вилфаг! Однако нашему ведомству препараты такой силы неизвестны... Насколько срезал чувствительность! Только Арабеллу и читаю с ее жаркой эмоциональностью.

– Вы слышите меня? – спросил толстяк.

Эх, еще бы одну таблетку! Правда, Бакстер говорил, что трех мой организм не выдержит...

– Вы слышите меня? – повторил толстяк.

Жюль решил ответить и обнаружил, что до третьей таблетки активатора ему все равно не добраться: мышцы были почти парализованы.

– Да, – прошептал он, еле ворочая языком.

– Кто вы? – спросил толстяк.

– Жюль Карне, – прошептал Жюль. – Бортинженер космолета «Крым». Служба гелиоэнергетики.

– Перечислите членов экипажа вашего корабля.

Жюль перечислил.

– Для чего вы прибыли в Гринкоуст?

– Мне назначен курс реабилитации после лечения.

– Откуда вы знаете доктора Спенсера?

– Мне посоветовал обратиться к нему чиновник, который оформлял мой въезд. У меня есть его визитка.

– Санчес. – Толстяк повернулся к Анхелю. – Проверьте!

Анхель исчез. И тут же Жюль перестал слышать мысли Арабеллы. По– видимому, она вышла за пределы радиуса чувствительности. Или вообще перестала думать. В наступившей тишине Жюль расслышал слабый шепот: все-таки часть мыслей лысого толстяка доходила до него. Но это были какие-то обрывки: *Кто?.. Поведение соответствует... Ответы...*

Толстяк продолжал задавать вопросы, связанные с нахождением Жюля в Гринкоусте. Жюль автоматически отвечал, размышляя, стоит ли интересовывать лысого своими репликами.

Вошел Анхель.

– Лежите спокойно, – сказал толстяк Жюлю и повернулся к Санчесу. – Ну?

– Вселял его Пауэр. Все подтверждается.

– А как ребята внизу?

Анхель пожал плечами.

– Ничего подозрительного. Разное барахло, приемник «Фаулер» обычной модели, в тейлоре зафиксированы два сеанса связи с филиалом Европейского Центра Каботажных Космических Сообщений на Куру, индексы не стерты. Я переписал, проверим... Да, «Фаулер» он получил здесь, в регистраторе заказ отмечен. Вот только это? – Он достал из кармана «карандаш».

Толстяк взял «карандаш» в руки, повертел его.

– Что это? – спросил он Жюля.

– Амулет, – прошептал Жюль. – Подарок друга.

– По-моему, мистер Адамс, это пустышка. Типичнейшая пустышка!.. Не туда нас понесло, надо искать в других направлениях.

Толстяк отдал «карандаш» Санчесу и сложил руки на груди.

– Может быть, – сказал он. – Тем лучше для нас!

– Действие препарата скоро кончится, – заметил Санчес. – Надо спешить. Повторного сеанса он не вынесет, а трупы нам ни к чему.

– Сфотографируй его, – сказал толстяк. – Что-то у архивистов не то было, слышал?

– Да. Говорят, прислали не его фотографию. Не стыкуется со словесным портретом.

– Ты сам снимал?

– Нет, конечно. Леон. Перепутали что-то.

Толстяк снова повернулся к Жюлю.

– Сядьте.

Мышцы отпустило ровно настолько, чтобы Жюль смог сесть. Санчес достал из кармана аппарат. Дважды сверкнула вспышка.

– Порядок, – сказал Санчес. – Теперь путаницы не будет.

– Ложитесь, – сказал толстяк.

Снова чуть отпустило мышцы, и тело Жюля заняло горизонтальное положение.

– Еще серия вопросов, – сказал толстяк. – Что вы думаете о женщине, которая была у вас?

– Хороша! – сказал Жюль.

– А как вы относитесь к Ассоциации?

– К какой ассоциации? К FMA?

– Да.

– Я не кригер, – сказал Жюль. – Мне на нее глубоко наплевать!

– Прекрасно! – Толстяк удовлетворенно потер руки. – Еще, с вашего разрешения, вопрос... Как вы осуществляете связь с ЮНДО?

– Никак, – уныло сказал Жюль. – У Службы гелиоэнергетики нет таких связей. Мы технари, а не политики.

Потом было еще несколько вопросов. Все они носили чисто анкетный характер и, по-видимому, задавались для очистки совести и с целью произвести еще одну проверку открытыми каналами через Адресную службу. Там все было чисто. Вскоре толстяк выключил диктофон и наклонился над Жюлем.

– Теперь вы заснете, – сказал он. – И будете спать до утра. А когда проснетесь, ничего не будете помнить.

– Да, – сказал Жюль и закрыл глаза.

Погас свет, прощуршала дверь. Жюль слышал, как они внизу ходят, наводя порядок в коттедже.

Жюль подумал, что на этот раз судьба обошлась с ним совсем уж по-свински. Надо же было нарваться на вилфаг столь огромной силы. Ну прямо как по заказу!.. Потом он подумал о том, что правильно не пошел с ними на информационный контакт, ибо в данной ситуации это ничего бы ему не дало, кроме лишнего риска. Для начала нужно хотя бы знать, кто у тебя в гостях!.. А потом он подумал о том, что продолжение активности не приносит ему лишнего здоровья, и отключился.

Глава вторая
ПЕРЕМЕНЫ ЕСТЬ, ПЕРЕМЕНЫ БУДУТ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.